

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА

УДК 781
ББК 85. 314-03

Л. Н. ТРУХИНА
(Москва)

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ В СУДЬБЕ ОЛЬГИ ВАСИЛЬЕВНЫ КОВАЛЁВОЙ

Русская песня — только два слова. А сколько яркой красоты и мудрой глубины в песне! Сколько подлинной поэзии в словах, какое разнообразие напевов: от грустных, протяжных, разлихватно-широких до задорных, насмешливых, от простой колыбельной до свадебного плача, от плясовых до прощальной ямщицкой, спетой последним дыханием.

О. В. Ковалёва¹

Аннотация. Статья посвящена певице — исполнительнице русских народных песен Ольге Васильевне Ковалёвой (1881—1962), родившейся и до 16 лет прожившей в деревне. В юности она обучалась пению, год пела в опере, после чего решила вернуться к истокам — исполнению народных песен. В последующем творчестве певицы отмечается влияние традиционной народной культуры. В статье исследуется период жизни и концертной деятельности О. В. Ковалёвой до 1917 года.

Ключевые слова: творчество Ольги Ковалёвой, русские народные песни, аутентичное пение, исполнение фольклорного репертуара на эстраде.

Творчество Ольги Васильевны Ковалёвой начиналось в эпоху, яркой приметой которой был интерес к

национальным традициям, а увлечение русской песней стало одной из самых выразительных ее особенностей. К концу XIX — началу XX в. выявились два, а если принять во внимание ярмарочные и другие увеселения, то даже три направления в публичных показах народной песни: *этнографическое, концертное и стилизованное*. Первое представляли прямые наследники и хранители традиций, второе — артисты-профессионалы, солисты оперных театров, третье же оказалось связано с деятельностью исполнителей, подходивших к сценической передаче песен через разного рода стилизации народно-песенного творчества.

Столичные выступления подлинных народных исполнителей — представителей династии заонежских сказителей Рябининых, Василия Петровича Щеголёнка и других знатоков русского эпоса — оставили заметный след в художественной жизни рубежа столетий. Значительный резонанс имели и петербургские выступления И. А. Федосовой (зимой 1894/95 г.). «Она выступала на совместном заседании Этнографического отделения и песенной комиссии ИРГО; в Большом зале Соляного городка — культурного центра тогдашнего Петербурга, а также на общем заседании Академии наук и в Археологическом институте. Пела в гимназиях и частных домах» [Смолицкий 2004, 31]. И. А. Федосову слушали в Москве, а ее выступление в Нижнем Новгороде на Всероссийской художественно-промышленной выставке летом 1896 г. было отмечено М. Горьким, назвавшим ее рапсодом и живой легендой. Писатель восторгался тем, что со слов Аринушки записано более 30 000 стихов, а у Гомера в «Илиаде» их 27 825. «Это олицетворение старой

¹ Ковалёва О. В. Мои первые шаги на моей артистической дороге: Воспоминания певицы [ВМОМК. Ед. хр. 479].

русской народной поэзии, она и сама, по внешности своей, — старая, спетая песня» [Горький 1953, 188].

В 1915 г. из Архангельской губернии, с Пинеги, артистка театра «Кривое зеркало» О. Э. Озаровская вывезла исполнительницу духовных стихов, исторических песен, баллад, скоморошин Марию Дмитриевну Кривополенову, открыв ей путь на московскую эстраду. «Маленькая, сухонькая, а дыхание как у заправского певца, семьдесят два года, а огня, жизни — на зависть молодым. В Москве бабушка <...> пленила всех драматическим талантом, мимикой, искусством менять тембр голоса в зависимости от развития действия и содержания» [Озаровская 1916, 12].

К этому времени все чаще стали обращаться к русской песне и академические исполнители, включая ее в программы своих концертов. Среди вокалистов-профессионалов, исполнивших народную лирику и даже былины (несколько записано на грамофонные пластинки), выделялся тенор Н. М. Барышев (1879—1944), бас В. И. Касторский (Торский) (1871—1948), М. И. Долина (1886—1919), Ф. И. Шаляпин (1873—1938). Пропаганде народных песен немало способствовал В. В. Андреев (1861—1918) — балалаечник, организатор и руководитель первого оркестра русских народных инструментов, созданного в 1888 г.² В сопровождении этого оркестра пели И. А. Ершов, В. Л. Собинов, А. М. Лабинский, Ф. И. Шаляпин.

Трудно переоценить роль М. Е. Пятницкого (1864—1927) — собирателя и исполнителя русских народных песен, обладателя высокого сильного баритона, готовившегося стать оперным певцом. Известность в московских музыкальных кругах он получил как крестьянский певец-самородок: «Пел Митрофан Ефимович свои воронежские песни поистине замечательно. Он умел в сольном исполнении передать хоровую стихию народной песни, вплетая местами в свою партию звуки хоровых подголосков. Это было, в полном смысле, народное пение с “охами”, “эхами”,

² «Великорусским» оркестр народных инструментов В. В. Андреева стал называться с 1896 г.

Ольга Васильевна Ковалёва. Фото из фондов Калининского историко-краеведческого музея

перерывами, с местной воронежской фонетикой: “Эх, да забалелай у миня, бра...тцы, головушка”» [Пасхалов 1944, 74]. Другой современник характеризовал голос М. Е. Пятницкого как приятный, отмечая: «Пел он вольно, легко, свободно варьируя куплеты, временами покачиваясь, взмахивая руками. Лицо его было красиво, вдохновенно. Это было изумительное пение, такое непосредственное, взволнованное, покоряющее, которое редко услышишь на эстраде» [Казьмин 1961, 7].

Сам Пятницкий был убежден, что крестьянских самородков надо показывать на сцене: «Их-то надо не в трактир, а на большую сцену, на концертную эстраду» [Пятницкий 1904]. В 1902 г. он создал свой первый ансамбль из пяти народных певцов, а в 1910-м — хор из народных певцов Воронежской, Смоленской и Рязанской губерний. В 1913 г. выступление хора М. Е. Пятницкого в Большом зале консерватории в Москве впервые услышала О. В. Ковалёва. Это событие ее глубоко тронуло, «впечатление большой значимости» произвели на певицу костюмы, внешний вид, дисциплинированность.

Она отмечала: «Подлинность песни сочеталась с большой художественностью...» [Казьмин 1970, 100].

В 1910-х гг. наивысшего взлета популярности достигла исполнительница народной песни на эстраде Надежда Васильевна Плевицкая (1884—1940). Певица выступала по всей России. В ее исполнении звучали «Ухарь-купец», «Калинка», «Лучинушка», а также песни эпической тематики — «Варяг», «Байкал», «Шумел, горел пожар московский» и др. Критики упрекали ее за «кухарочный» репертуар, наряды, негармонирующие с образом народной певицы, однако городские песни имели успех у публики. В 1914 г. Н. В. Плевицкая решила сменить концертное платье на подлинную деревенскую одежду, начала петь народные песни родной Курской губернии³, но успех у массовой публики стал спадать.

Замечания критиков в адрес Н. В. Плевицкой, конечно, не могли пройти мимо внимания О. В. Ковалёвой. Она приняла решение не подражать знаменитым певицам и певцам, а создать свой репертуар, найти свою исполнительскую манеру. О. В. Ковалёва много работала, но собственного мнения ей казалось недостаточно: хотелось узнать мнение деревенских «песельниц», вернуться к истокам. С песнями родного села вышла она на концертную эстраду.

* * *

Ольга Васильевна Ковалёва родилась 25 июля (7 августа по н. ст.) 1881 г. в деревне Окунёвка (позже по имени помещицы названной Любовкой) Аткарского уезда Саратовской губернии⁴. «Деревня Любовка, в которой я родилась и где прошло мое детство и юные годы, была так бедна, что казалось, беднее уж и быть нельзя. <...> Богата была наша Любовка только песнями»; «...песни, которые в дерев-

не пели все от мала до велика, были единственным богатством любовских крестьян»⁵.

В роду Шилиных-Житковых, родственников О. В. Ковалёвой по матери, было немало людей, имеющих художественные интересы — иконописцев, станковых художников и художников по росписи тканей, регентов, актеров, музыкантов, композиторов. Сыновья и внуки крепостных крестьян разными путями учились и старались получить образование, приобщались к культуре и искусству. «Труженики, справедливые, честные, со светлым умом и открытым сердцем» [Ковалева 1981, 89].

Дед Ковалёвых со стороны отца был «затейником» у помещика Окунькова. Другому деду — П. Н. Житкову, служившему камердинером у графа Шереметева, за преданную службу была дарована «вольная».

Мать Ольги Васильевны, Александра Павловна, родилась и выросла в Петербурге. Ее выдали замуж в деревню за Василия Порфирьевича Ковалёва. «Семья была зажиточной. Дома Ковалёвых стояли кучкой: два дома на одной стороне улицы и третий напротив их, четвертый — у въезда в деревню...»⁶. «Неделённая» крестьянская семья Ковалёвых состояла из 21 человека, и вместе со стариками-родителями жили взрослые дети со своими семьями. Ребятишек в семье было 13. В семье Василия Ковалёва воспитывалось пять детей — сыновья Александр, Николай, Дмитрий и дочери Ольга и Мария. Ольга была четвертым ребенком.

Вот что писала певица о своих близких: «Мать у нас была слабенькая. Выданная шестнадцати лет из города замуж в большую деревенскую семью, она не ходила со всеми на полевые работы, оставаясь дома, помогала свекрови готовить на всю семью обед, ухаживала за скотом и часто пела высо-

³ Согласно каталогу русских граммофонных фирм 1912—1916 гг., не менее 20 курских песен было записано на грампластинки, среди них: «Ой, куры-куры», «У ворот на елке», «Во горенке, во новой».

⁴ Выписка из метрической книги 1881 г. о рождении О. В. Ковалёвой [ВМОМК. Ед. хр. 635].

⁵ Ковалёва О. В. Мои первые шаги на моей артистической дороге [ВМОМК. Ед. хр. 479. Вкладыш в тетрадь, с. 1]. (В тетрадь вклеены вырезанные из газет статьи, заметки, а также программы концертов и написанные от руки воспоминания певицы.)

⁶ Записки Т. Ф. Киселёвой. 1972 г. [ВМОМК. Ед. хр. 498. С. 13].

ким, чистым и складным голосом песни» (цит. по: [Павлова 1971, 4]). Мать Александра Павловна в детстве видела и слышала то, что не слышала и не видела ни одна крестьянка в Окунёвке. Ее рассказы о дворце Шереметевых, о картинах, о танцах, о музыке, запомнившиеся песни, в том числе и на французском языке, вызывали у дочери интерес. «Бабушка была и музыкальна и песенна. Много песен передала Оле, — вспоминала племянница Ольга Васильевна. — И учила их петь»⁷.

Александра Павловна не только пела современные городские песни, но и знала деревенские, была желанной гостьей на деревенских свадьбах. Позже О. В. Ковалёва рассказывала, что «пострадала за песню» еще в младенческом возрасте, когда женили младшего брата отца — Павла. Невесту брали из дальнего села. После венчания, на второй день, вся семья жениха должна была выехать к сватам. На отказ Александры Павловны поехать на веселье свекровь ворчала: «От сватьев тогда обиды не оберешься». Больше всего свекровь радела за честь семьи: «Сама знаешь, без тебя никто из нас не запоем как надо. Осрамимся!» [Ковалева 1981, 6]. Деревня, откуда брали невесту, находилась в 40 верстах от Окунёвки. Ехать пришлось долго. Веселье длилось два дня. Александру Павловну не отпускали: «Без твоих песен, свахонька, не весело у нас!» [Там же]. С девочкой нянчилась детвора, выносили ее на улицу, чтобы не плакала. Она простудилась, металась в жару, у нее вспухли веки. Пять месяцев маленькая Ольга не могла открыть глаза. Болезнь прошла, глаза остались такими же синенькими, только левый глаз с тех пор слегка косил. Окружающие стали к ней относиться как к убогонькой. Девочка росла, уединяясь, становилась задумчивой и наблюдательной. Сама мастерила себе кукол из пучков лебеды, перевязанных крепким стеблем, и напевала им колыбельные. Диалог с куклой, сделанной собственными руками, явился одним из способов общения с миром, который помог Ольге преодолеть замкнутость, развить образное мышление. Она

⁷ Записки Т. Ф. Киселёвой. 1972 г. [ВМОМК. Ед. хр. 498. С. 15].

примеряла на куклу и на себя первые платья: «Из твердых блестящих листьев хрена я мастерила себе всевозможные платья, скалывая их соломинками»⁸.

Вкус к слову и русской речи формировался в семье. Сказки, песни, прибаутки и загадки были тогда единственными развлечениями и в какой-то мере заменяли школу. В Любровке «пели всё, всегда и везде. Любили петь. За работой, по дороге, под вечер. Один запоет, другой подхватит, третий подтянет»⁹. Бабушка Оли знала не одну сотню крестьянских песен. Обладая хорошей музыкальной памятью, Оля перенимала «на голос» напевы, водила вместе со всеми хороводы, училась запевать: «*Как пошли наши подружки в лес по ягоды гулять. Они ягод не набрали, лишь подружку потеряли, да любимую подружку — Катеринушку — старушку!*»

Помнила О. В. Ковалёва, как в один из весенних дней бегали ребятишки с испеченными жаворонками по проталинкам, протягивая к солнышку руки, закликали: «*Жаворонок, прилети! Тёпла лета принеси!*» Перед игрой в «салки» считались: «*Первенчики-другенчики, летели голубенчики...*». Любимой детской игрой была «Что ты тут делаешь?»:

«— *Что ты тут делаешь? — Ямочку. — На что тебе ямочка? — Копеечку ищу <...>*». Запомнила Оля и другие игры, среди них: «— *Курочка-рябушечка, куда пошла? — На мельницу...*»¹⁰.

Особую роль в формировании ее поэтического таланта сыграла бабка Акулина — деревенская повитуха. В деревне говаривали, что Акулина «за песню жизнь свою отдала». В молодости певунья Акулина отвергла любовь барина, а тот в отместку обвенчал ее с хилым и злобным горбуном Петрушкой. Спасением стала песня. Но опоил Петрушка Акулину каким-то зельем, и Акулина замолчала. О ней

⁸ Ковалёва О. В. Мои первые шаги, на моей артистической дороге [ВМОМК. Ед. хр. 479].

⁹ Записки Т. Ф. Киселёвой. 1972 г. [ВМОМК. Ед. хр. 498. Л. 21. С. 1].

¹⁰ Детские песенки-«забавушки» из села Любровка, напевы О. В. Ковалёвой, в обработке Г. Лобачёва вошли впоследствии в сборник «Маришкины песни» [Маришкины песни 1934].

О. В. Ковалёва в своих воспоминаниях не без сожаления напишет: «Иногда она, кашляя и задыхаясь, пыталась петь мне. Мелодию едва можно было уловить, голоса ее настоящего я так и не слышала никогда. Но весь ее облик был настолько певуч и прекрасен, она так поэтично передавала мне слова своих песен, что я понимала, как они были хороши, и будто слышала их звучание. А история ее жизни сама была как песня о горькой женской доле»¹¹.

Оставил в душе Ольги яркий след и дядя Яков — деревенский скорняк. Народный песельник, самобытный актер, знавший много песен, он каждую пел по-разному. Яков начинал песню тихо, протяжно: «*Уж вы, ветры, вы, ветры, етерочки полудённые!*...» Дух перехватывало у девочки, когда Яков, декламируя, четко и выразительно выговаривал слова: «*Пригоню я стадо лебединое — выбирай себе любого лебедя!*» Помолчав, передохнув, дядя Яков тихо, проникновенно допевал: «*Отвечает белая лебёдушка: “Мне не надо стада лебединого, ой, не надо мне другого лебедя”*»¹².

Ольга запомнила момент, когда изменилось ее отношение к песням: «Встревожили меня его песни, поселились где-то у самого сердца. И грустно было, и жаль чего-то, и хотелось куда-то уйти»¹³. Тогда, в детстве, возникло понимание, что песня приносит не только радостное чувство. Девочка плакала над горем и печалью, обидой и унижением других. В песнях она слышала и видела живого человека, сострадала ему и жалела его. Через песню, через ее осмысление пробуждалось и возникало в душе ребенка представление о прекрасном. Воспитывалось художественное чутье, формировался исполнительский вкус. «Яркое исполнение и сама песня — лирическая баллада, воспевающая силу и верность большой любви, подкупающая сказочной красо-

той поэтических образов, были наиболее значительным детских впечатлением, связанным с песней. Быть может, оно и явилось тем зернышком, из которого впоследствии выросла лирическая ветвь, ставшая главной в творчестве О. В. Ковалёвой...» [Павлова 1961, 14].

В 1897 г. старший брат Ольги¹⁴ подготовил ее к поступлению на фельдшерско-акушерские курсы. В 1898 г. О. В. Ковалёва уехала в Самару, где в 1899 г. ей было выдано Свидетельство № 1099 от совета врачей и преподавателей земской фельдшерской школы для свободного проживания в Самаре в 1899—1900 гг.¹⁵

В 1902 г. в городе открылись музыкальные классы. Удостоверение № 47 от 19 мая 1905 г. свидетельствовало уже о том, что О. В. Ковалёва — ученица вокальных классов Императорского русского музыкального общества (ИРМО). Она участвовала в концертах, организуемых самарским ИРМО. Все чаще появлялись в прессе благожелательные отзывы, говорилось, что госпожа Ковалёва показала себя «прекрасной, талантливой певицей», что спетые ею номера «вызывали самые восторженные аплодисменты». По окончании музыкальных курсов она получила диплом педагога, но совершенствоваться как певица, отправилась в Петербург. Профессор И. П. Прянишников¹⁶ стал обучать ее пению на частных оперных курсах.

В 1909 г. О. В. Ковалёва вернулась в Самару. Ей помог устроиться в передвижную оперную труппу города Ростова-на-Дону Н. Л. Линёв¹⁷. Первая партия О. В. Ковалёвой — няня в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». В репертуаре Ольги Васильевны были и другие партии: Ваня в «Жизни за

¹⁴ Александр Васильевич Ковалёв (1877—1955) с 1894 г. работал учителем.

¹⁵ «Свидетельство для свободного проживания» [ВМОМК. Ед. хр. 624].

¹⁶ Ипполит Петрович Прянишников (1847—1921) — баритон, организовал в 1889 г. первое в России оперное товарищество, написал книгу «Советы обучающимся пению» (СПб., 1899).

¹⁷ Никита Логинович Линёв — деверь Е. Э. Линёвой — композитор, дирижер, музыкальный критик.

¹¹ Ковалёва О. В. Мои первые шаги, на моей артистической дороге [ВМОМК. Ед. хр. 479].

¹² Песня впервые опубликована в сборнике «Песни Ольги Ковалёвой».

¹³ Ковалёва О. В. Мои первые шаги, на моей артистической дороге [ВМОМК. Ед. хр. 479].

царя» и Ратмир в «Руслане и Людмиле» М. И. Глинки, Зибель в опере Ш. Гуно «Фауст». Оперная труппа гастролировала в Астрахани, Царицыне, Самаре. Критики писали о «прекрасном, сочном меццо-сопрано», «талантливом исполнении», «достойном успехе». Однако оперная карьера, начавшаяся удачно, была омрачена борьбой за лидерство, закулисными интригами, наглостью меценатов и поклонников. Проработав год, певица решительно отказалась возвращаться в оперу. Родилось важное решение — посвятить себя исполнению русской народной песни.

Летом 1911 г. О. В. Ковалёва отправилась в Любовку. Односельчанам сольно спела одну из самых печальных песен «Ты судьба ли, судьбинушка»¹⁸, которую коллективно сложили и пели любовские женщины.

В песне пять куплетов. Началом второго и последующих куплетов является строка предыдущего, которая как бы закрепляет смысл, выраженный ранее. Это придает песне особенную исполнительскую нагрузку: «Ты судьба ли, судьбинушка, ты, ты моя, ох, до чего ты, судьба, меня до... ох, довела...». Героиня песни не жалуется, она неторопливо ведет свой рассказ, вникая в смысл каждого слова, каждой фразы, размышляя: «До чего ты, судьба, меня до... ох, довела, эх, никакой ты мне отрады не... ох, не дала...». Каждый последующий куплет эмоционально закрепляет предыдущий, уверенно стремясь к кульминации песни — последнему куплету: «Остаюсь я ни девица, ни вдова... ох, вдова, ох. Остаюсь я — солдаточка молода». В тексте нет пересказа трагической истории о влюбленных людях, душевраздирающего надрыва, столь характерного для жестокого романса. Через музыкальный распев передается состояние израненной души, познавшей и пронесшей через всю жизнь горечь разлуки с любимым.

О. В. Ковалёва знала и помнила обездоленных стариков — Ульяну и Тихона, ясно видела картину их жиз-

ни¹⁹, это «видение» помогло певице в создании песенного художественного образа.

По-своему спела Ольга Васильевна и «Вёснушку», которая исполнялась в Любовке весной — в дни праздников и в хороводах: «Уж ты, вёснушка, весна, ты не в радости, весна, пришла. Ты не в радости, да не в гульбе, в большом горе, да сухоте...». Прозвучали и другие любовские песни: «Не долго веночку на стенке висеть...», «Как у сокола, как у ясного...» Пение теперь уже городской барышни Ольги Ковалёвой произвело на любовских женщин впечатление новое и необычное. Сначала односельчане слушали Ольгу молча, «сложив на коленях да на животах усталые руки», поджав губы, пришептывая, а к середине песни «у кого-то навернулась слеза, кто-то вздохнул глубоко»²⁰ — стали присоединяться к ее голосу. Земляки отнеслись к выступлению певицы со всей строгостью, сделали несколько поправок, что поет «не по-ихнему, не по-деревенски»²¹, но отнеслись доброжелательно. А самая известная и уважаемая на всю округу Агафья Тулякова сказала: «Эх, родная, если б мы эдак могли петь, как ты, только так и пели!» [Сидельников 1964, 6—7].

Знакомая жизненная среда помогла О. В. Ковалёвой не только набраться сил, но и восстановить в памяти родные деревенские песни, записать и выучить новые: «Гуленьки», «Катенька веселая», «Ты, дубровенька, зеленая», «Ты река ли моя, реченька», а также «Лучинушка», «любовский» вариант которой стал своеобразной музыкальной эмблемой всех последующих концертов певицы²². Органично сочетался с песнями и подлинный крестьянский наряд Рязанской губернии, в котором певица стала выступать на сцене.

¹⁹ Тихона в день венчания взяли в солдаты, Ульяна ждала 25 лет. После долгих лет разлуки они с трудом узнали друг друга. Жили Ульяна и Тихон, как чужие, в своем доме до самой смерти.

²⁰ Ковалёва О. В. Мои первые шаги на моей артистической дороге [ВМОМК. Ед. хр. 479].

²¹ [Там же. Ед. хр. 479].

²² Первая публикация песни «Лучинушка» в сборнике: [Ковалёва 1925, 25].

¹⁸ Первая публикация песни «Ты судьба ли, судьбинушка» в сборнике: [Ковалёва 1925, 35].

В фондах ВМОМК имени М. И. Глинки сохранились предметы из концертного костюма О. В. Ковалёвой, состоящего из домотканой вышитой рубахи, понёвы, шушпана, головного убора, украшений, онуч и простых лаптей.

Так сложился запомнившийся публике индивидуальный сценический образ певицы.

* * *

Важной вехой в жизни О. В. Ковалёвой явилась встреча со скрипачом Германом Клеменсом²³. Дуэт был буквально одержим желанием дарить людям искусство — охотно выступали на пароходах и на пристанях, в городских парках, в больницах, на фабриках и заводах. Их творческое содружество началось «хождениями» по Курской, Тамбовской, Саратовской губерниям, Донской обл., по Черноморскому побережью. Музыканты выполняли огромную просветительскую работу, донося свое искусство до самой простой публики. В одной из газет напечатано: «О. Ковалёва и скрипач Г. Клеменс в течение трех лет разъезжали по селам и деревням, станицам, большим и маленьким городам Поволжья, Кавказа, Южного края, Царства Польского. <...> Терпели много лишений, нужды и обид и упорно преследовали свою цель: знакомили Россию с ее неисчерпаемыми сокровищами, с неподобными русскими народными песнями...» [Филиппов 1914, 3—4]. Об этих переездах можно судить лишь по скудным сохранившимся заметкам, газетным рецензиям, а также письмам к родственникам, находящимся в личном архиве О. В. Ковалёвой²⁴.

В сентябре 1913 г. Ольга Ковалёва и Герман Клеменс уже в Москве²⁵. Судя по воспоминаниям Т. Ф. Киселёвой,

²³ Герман Яковлевич Клеменс — одесит, настоящее имя Владимир Яковлевич Горнштейн. В 1906 г. высланный в Нарынский край, через несколько месяцев оказался в Москве под именем Германа Клеменса. Окончил московскую Народную консерваторию, класс профессора Б. О. Сибора, и стал странствующим профессиональным музыкантом-скрипачом. В афишах иногда печатали под именем В. Клеменс.

²⁴ Письмо (24 декабря 1911 г.). Балаково [ВМОМК. Ед. хр. 521].

²⁵ Открытка Д. В. Ковалёву [ВМОМК. Ед. хр. 526].

после периода «хождения в народ», перед войной 1914 г., их антрепренером становится музыковед и этнограф В. В. Пасхалов²⁶.

14 февраля 1914 г. в Политехническом музее в Москве состоялся «Вечер песни», организованный Е. Э. Линёвой, который сыграл важную роль в жизни О. В. Ковалёвой. Рецензенты обратили внимание на провинциальную странствующую певицу, стали писать о ней как об «известной исполнительнице» народных песен: «Значительный интерес представила программа с крестьянскими песнями Саратовской губернии. Песни эти были записаны госпожой Ковалёвой, по рождению крестьянкой, посвятившей себя делу народных концертов. Этим песням присуща глубокая самобытность, подлинная народность. В исполнении песен очень удачно нужно признать прием передачи партии подголосков — скрипке»²⁷; «В лице г-жи Ковалёвой великорусские песни нашли идеальную исполнительницу. Г-жа Ковалёва имела огромный успех. Ее много раз заставляли повторять...»²⁸; «Достаточно было певице произнести первые слова “Причета” (причитания перед венчанием), как сразу повеяло чем-то подлинным, глубоко народным и прекрасным. Интонации, акценты, сильный звук голоса и, в особенности, произношение — певучее, гибкое и необыкновенно свободное — всё это явилось верным отражением многовековых навыков, выработанных русским народным песнетворчеством. Впечатление очень сильное и в высшей степени свежее. Успех г-жи Ковалёвой был столь же исключителен, как исключительно ее искусство»²⁹.

Газета «Новь» за 1914 г. печатает портрет О. В. Ковалёвой рядом с портретом М. Е. Пятницкого. В рецензиях отмечается подлинность народного мастерства, правдивость, простота,

²⁶ Записки Т. Ф. Киселёвой. 1972 г. [ВМОМК. Ед. хр. 498. Л. 28. С. 2].

²⁷ Утро России. 1914. № 38. 15 февраля. Отзывы московских газет [ВМОМК. Ед. хр. 704].

²⁸ Русское слово. 1914. № 38. 15 февраля [Там же].

²⁹ Русские ведомости. 1914. № 38. 15 февраля. Отзывы московских газет [Там же. Ед. хр. 704].

сдержанность, присущая женскому народному пению. «Вчерашний концерт, посвященный великорусским песням, прошел с успехом. Изумительно хороша была госпожа Ковалёва. Она вмещает в себе серьезную музыкантшу с прекрасной исполнительницей» [Новь 1914, 1]; «какая красота кроется в великорусской песне, проникнутой в большинстве своей части печалью. О. В. Ковалёва прекрасно исполнила ряд песен из собственного собрания. Несколько песен было исполнено ею совместно с господином Г. Клеменсом (скрипка). Г. Клеменс также исполнил ряд народных мелодий, из которых особенно прекрасны “Не одна во поле дороженька”, “Лучинушка”»³⁰.

28 июля 1914 г. началась Первая мировая война, а в сентябре 1914 г. О. В. Ковалёва и Г. Я. Клеменс снова приехали в Москву. Начало войны было временем национального единения, взлетом патриотизма. Желание помочь своей стране выражали и люди искусства. О. В. Ковалёва работала в госпиталях, руководила кружком пения, где русские народные песни пели незрячие воины-инвалиды. Ее называли «сестрица с песнями».

Трудно сказать, кому пришла мысль попробовать давать необъявленные концерты в московских дворах. На этом поприще О. В. Ковалёва и Г. Я. Клеменс не были первыми. Нелегкий, скудно оплачиваемый труд давал какие-то средства для существования, но самое главное — отвечал их стремлениям служить своим искусством простому народу. В памяти певицы осталось первое выступление во дворе: «Как только начала петь, окружили нас прежде всего ребяташки. Потом стали появляться в подъездах, выглядывать из подвалов горничные, кухарки, дворники, мастеровые. Остановился проезжавший мимо извозчик. Мелькали лица в окнах верхних этажей: прислушивалась к бродячим музыкантам публика “поблагороднее” — служащие, чиновники...» [Ковалёва 1981, 34]. Такого рода концерты с удовольствием слушали многие, но в основном их аудиторию составляли выходцы из деревень, приехавшие в город на заработки.

³⁰ Голоса Москвы. 1914. № 72. 28 марта. Отзывы московских газет [Там же].

В эти годы один за другим появляются хвалебные, даже восторженные отзывы. Авторы этих рецензий — не случайные хроникеры, а авторитетные критики, даже фольклористы. Б. В. Подгорецкий³¹ в статье «Песни русской деревни» отметил, что каждый штрих, найденный О. В. Ковалёвой, был характерным, а всё исполнение естественным, что создавало впечатление простой поющей крестьянки. «Нам редко приходилось слышать столь совершенное проникновенное и стильное исполнение русских народных песен»³².

Газета «Русские ведомости» от 3 декабря 1914 г. печатает статью критика и музыковеда Ю. Д. Энгеля³³ «Песни русской деревни». Автор разделяет певиц на три типа. К первому он относит пение «под народное». По его мнению, этот тип — самый многочисленный, не поющих старинных деревенских песен. «Вдохновляются они, прежде всего, новой, городской песней — фабричной, казарменной, трактирной, и именно ее мещанской сентиментальностью, купеческим ухарством, солдатски-мастеровой разухабистостью. Исполнение песен соответственно вульгарно». К другому типу Ю. Д. Энгель относит певиц, которые учились в консерваториях. Они выучивают народные песни по нотам, исполняют их, осознавая, что «старинная народная песня — высокое художественное сокровище». Но в этих исполнительницах наблюдается оторванность от реальной среды, в которой песня создавалась и живет. К особому, «высшему» типу исполнительниц Ю. Д. Энгель относит «деревенское» исполнение О. В. Ковалёвой, вышедшей из народной среды и знающей народную песню, «внутренний подход к ней, тысячи с детства, бессознательно укрепившихся в душе живых связей, которые делают

³¹ Борис Владимирович Подгорецкий (1873—1919) — украинский композитор и фольклорист. В те годы жил в Москве, участвовал в фольклорных экспедициях, выступал как музыкальный критик.

³² Голоса Москвы. 1914. № 277. 2 декабря. Отзывы московских газет [ВМОМК. Ед. хр. 704].

³³ Юлий Дмитриевич Энгель (Йоэль) (1868—1927) — музыковед, переводчик, фольклорист, композитор.

из песни не только отвлеченно-прекрасное создание искусства, но и нечто индивидуально пережитое, свое родное, неотделимое от всей остальной поэзии и прозы народной жизни». Внутреннюю органичность и целостность критик оценивает в исполнении О. В. Ковалёвой дорожке всего: «Она не изображает, как поют в деревне, но просто поет, как там поют». Критик обратил внимание на народный, органично вписавшийся в исполнение народных песен деревенский наряд певицы, природные голосовые данные, удачный подбор песен, музыкальную культуру, исполнение — облагораживающее, но в то же время «не ломающее и не приукрашивающее народную песню». Отметил Ю. Д. Энгель и выступление Г. Клеменса, сольно сыгранные им на скрипке народные напевы, а также подголоски к песням. Успех певицы был огромным и вполне заслуженным. Завершая статью, Ю. Д. Энгель делает вывод: «В такой подлинной и вместе с тем культурной передаче желательно было бы продемонстрировать подобную песню и за границей, если уже не теперь, то хоть после войны»³⁴.

19 января 1915 г. Е. Э. Линёва из Чухлинки Нижегородской губернии сообщила О. В. Ковалёвой о том, что певица заявлена в афише на 31 января с исполнением «Причета», «Песни солдатки», «Колыбельной». «Ваше пение все любят», — пишет она. «Если война кончится, то в Париже состоится один конгресс, где музыкальную часть устраиваю и я. Хочется мне, чтобы Вас пригласили в Париж. А весной, вероятно, придется съездить в Петроград, там тоже Вами интересуются»³⁵.

В 1916 г. по инициативе Е. Э. Линёвой были открыты «Курсы пения русских песен», и среди их слушательниц оказалась О. В. Ковалёва. В том же году О. В. Ковалёва приглашена солисткой в ансамбль под управлением исполнителя на домре, этнографа, дирижера, педаго-

га Г. П. Любимова³⁶. Репертуар певицы становится все более серьезным, тематически расширяется, в том числе благодаря записям Е. Э. Линёвой.

Многое изменил 1917 г. Бурно развивавшаяся жизнь вовлекла певицу в общественную деятельность. Она участвовала в митингах, ставших одной из художественных форм пропаганды и агитации, о чем свидетельствуют фотографии из архива певицы. На одной из них О. В. Ковалёва на демонстрации 1 мая 1917 г. Певица в народном костюме едет по Тверской улице в легковой машине с плакатом «Дорогу женщине!» [ВМОМК. Ед. хр. 782]. Как позднее напишет А. В. Руднева: «В 1917 году начинается новый, второй период артистической деятельности Ковалёвой, принесший ей славу, и благосостояние, и огромное творческое удовлетворение» [Руднева 1971, 7]. Но это была уже другая страница творческой истории, связанная с противоречивыми процессами трансформации народной культуры, которые происходили в Советской России в XX столетии. И в ней певице еще предстояло занять свое место.

* * *

Участие в музыкальной жизни России начала XX в. выявляет важное качество творческого облика певицы О. В. Ковалёвой: постоянное стремление к поиску, к самосовершенствованию и самовыражению. Все это способствовало формированию ее индивидуальной исполнительской манеры, а позднее повлекло за собой создание целой исполнительской школы, в основу которой было положено свойственное именно ей отношение к народно-песенному стилю.

О. В. Ковалёва «старину» пела по-своему, гармонично сочетая академическую манеру пения и манеру народную, напевно-декламационную. Она старалась не подражать деревенским певцам и певицам, а творчески перерабатывать особенности их исполнения. Пела просто, естественно, как поют в народе, ведь, по словам Е. Э. Линёвой, певцы из народа «никогда не злоупотре-

³⁴ Энгель Ю. Д. Песни русской деревни // Русские ведомости. 2014. № 278. 3 декабря. Отзывы московских газет [ВМОМК. Ед. хр. 704].

³⁵ Письмо Е. Э. Линёвой от 19 января 1915 г. [ВМОМК. Ед. хр. 504].

³⁶ Григорий Павлович Любимов — Модест Николаевич Караулов (1882—1934). Заслуженный артист РСФСР (1925).

требляют своей силой, поют классически просто, не затягивая и не ускоряя темпа, без серьезного основания...» [Линёва 1904, 27]. Утвердившаяся в речевом обиходе при характеристике народного пения рекомендация «петь, как говоришь» в полной мере относится к О. В. Ковалёвой. Показательным в этом отношении является ее среднерусский акающий говор, а также разговорная манера пения в грудном регистре, использование специфических вокальных приемов пения в разных регистрах — грудном и головном.

Музыкальный дар О. В. Ковалёвой в сочетании с четкой, ясной дикцией заставлял слушать и слышать. В ее исполнении чувствовалось бережное отношение к слову и мелодии. Ольга Васильевна пела, раскрывая тончайшие оттенки музыкальной и сценической драматургии. Каждая песня превращалась у О. В. Ковалёвой в маленький спектакль — миниатюру, выстроенную по законам драматургии, что подтверждает и высказывание критика, описывавшего ее выступление для крестьян в Коломенском: «Своей жизнью у нее жила каждая исполняемая песня. ...У нее верный жест, и лицо — славное умное лицо — говорит то же, что говорят слова песни, и вся она такая видная, статная в своем живописном русском костюме, какая-то настоящая! Искренняя и талантливая...» [Филиппов 1914, 3—4]. За несколько минут, пока звучала песня, певица успевала создать образ своего героя и поведать историю, передать характер, в каждой песне особенный и неповторимый.

Влияние на формирование личности О. В. Ковалёвой оказали две среды — деревенская и помещичье-интеллигентская. Увиденное в детстве и отрочестве на протяжении всей жизни служило верным подспорьем. Деревня являлась для О. В. Ковалёвой не только источником вдохновения, но и питательной средой ее творчества: она стала первой собирательницей песен своего родного села, занимавших значительную часть репертуара певицы³⁷, эти песни зазвучали с эстрады, позже по радио, были представлены за пределами родной страны.

В ее репертуаре «было свыше двухсот песен, а знала она их великое множество. В концертах она исполняла “чужие”, извлеченные из многих сборников песни, и “свои”, записанные в Любовке. Пела она их в своей авторской переработке. Немало песен с современной тематикой сложено ею самой» [Руднева 1971, 11]. В их числе лирические (женские и мужские), хоропроводные, плясовые, шуточные, детские. Можно предполагать, что О. В. Ковалёва помнила и много обрядовых песен³⁸, но в связи со сложившейся в послереволюционные годы культурной политикой, когда такого рода творчество не приветствовалось и считалось «пережитком прошлого», избегала включать их в свои выступления.

О. В. Ковалёва неустанно выступала за чистоту русской народной песни. «Важно, чтобы песня была выше быта...», — неоднократно говорила она, всегда оставаясь в ряду тех исполнителей народных песен, которые стремились сделать русскую народную песню достоянием высокого сценического искусства.

Литература

Горький 1953 — *Горький М.* На выставке // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1953. Т. 23.

Казьмин 1961 — *Казьмин П. М.* Страницы из жизни М. Пятницкого. М., 1961.

Казьмин 1970 — *Казьмин П. М.* С песней. Страницы из дневника. М., 1970.

Ковалёва 1981 — *Ковалёва М.* Певица Ольга Ковалёва. М., 1981.

Ковалёва 1925 — *Ковалёва О.* Для деревни. Сборник песен и частушек. М., 1925.

Ковалёва 1937 — *Ковалёва О.* Исполнение русской народной песни // Народное творчество. 1937. № 5. С. 17—19.

Линёва 1904 — *Линёва Е. Э.* Великорусские песни в народной гармонизации. Предисловие. Вып. 1. XLVIII. СПб., 1904.

(среди них: «Уж вы, ветры, вы, ветры», «Кто поверит моей скуке», «Как пошли наши подружки» и др.).

³⁸ Позднее певица напела фольклористам 23 песни, в том числе свадебные, которые были опубликованы только в 1971 г., уже после ее смерти.

³⁷ Автору статьи удалось изучить и проанализировать 45 любовских песен, сохранившихся в публикациях и аудиозаписях

Маришкины песни 1934 — Лобачёв Г. Маришкины песни. Для голоса и ф-но. Напевы Ковалёвой. М., 1934.

Ночь 1914 — Ночь. 1914. № 62. 28 марта. Озаровская 1916 — Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пг., 1916.

Павлова 1961 — Павлова Г. Народная артистка // Музыкальная жизнь. 1961. Сентябрь. № 17. С. 14—15.

Павлова 1971 — Павлова Г. Б. Из воспоминаний детства О. В. Ковалёвой // Песни Ольги Ковалёвой. М., 1971. С. 3—5.

Пасхалов 1944 — Пасхалов В. В. М. Е. Пятницкий и история возникновения его хора // Советская музыка. Сб. второй. М., 1944. С. 74—79.

Песни Ковалёвой 1971 — Песни Ольги Ковалёвой / сост. Г. Павлова; ред. А. В. Руднева. М., 1971.

Пятницкий 1904 — 12 русских народных песен (Воронежской губернии Бобровского уезда). Мелодии и текст собрал М. Е. Пятницкий. Аранжировка для пения с сопровождением фортепиано В. В. Пасхалова. М., 1904.

Руднева 1971 — Руднева А. В. Исполнительница народных песен Ольга Васильевна Ковалёва // Песни Ольги Ковалёвой. М., 1971. С. 6—8; 11—12.

Сидельников 1964 — Сидельников В. М. Ольга Васильевна Ковалёва. М., 1964.

Смолицкий 2004 — Смолицкий В. Г. Сказители Русского Севера в Петербурге и Москве (вторая половина XIX — начало XX века) // Традиционная культура. 2004. № 2 (14). С. 27—34.

Филлипов 1914 — Филлипов А. На деревенском концерте // Ночь. 1914. № 118. 19 ноября. С. 3—4.

Сокращения

ВМОМК — Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М. И. Глинки. Фонд О. В. Ковалёвой. № 395.

Summary. *The article is dedicated to the singer, the performer of Russian folk songs Olga Kovaleva (1881—1962). She was born in a village and lived there till the age of sixteen. She studies singing, was an opera singer for a year, and after that she decided to return to her roots — to folk songs performance. The traditional folk culture influences over the singer's further creative work. The period of her life till 1917 is the subject of the present research.*

Key words: *Olga Kovaleva, Russian folk songs, authentic singing, folklore singing on the stage.*

УДК 781
ББК 85.315; 85.364.1

О. М. ШАБУНИНА
(Москва)

ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО Н. В. ПЛЕВИЦКОЙ И В. В. АНДРЕЕВА: НАРОДНАЯ ПЕСНЯ НА КОНЦЕРТНОЙ ЭСТРАДЕ

Аннотация. *Статья посвящена одной из оригинальных фигур русской эстрады начала XX в., самобытно передававшей народную песню со сцены, — Надежде Васильевне Плевицкой. Раскрывается характер творческого взаимодействия певицы с великорусскими оркестрами и балалаечниками, прежде всего с В. В. Андреевым. Н. В. Плевицкая и В. В. Андреев были артистами, создававшими яркую, самобытную эпоху в концертной жизни России. Творческий союз двух музыкантов способствовал утверждению жанра «эстрадной народной песни», становлению его особого самостоятельного исполнительского стиля.*

Ключевые слова: *Н. В. Плевицкая, В. В. Андреев, русская народная песня, великорусский оркестр, балалайка.*

Интерес к простонародной русской культуре и искусству в первые десятилетия XX в. достиг своего расцвета. На концертной и театральной сцене разрабатывались русские сюжеты и мотивы. Особенно возросло внимание к народной музыке, в частности инструментальной. На рубеже веков балалайка уже не была «экзотическим» элементом на концертной сцене. Усилиями горячего пропагандиста В. В. Андреева и его окружения этот русский простонародный инструмент прочно вошел в эстрадную жизнь. Великорусский оркестр В. В. Андреева, составленный из усовершенствованных балалаек и возрожденных домр, в конце XIX — начале XX в. стал значительной величиной на концертном небосклоне столицы, диктовал моду и создавал традиции. Число великорусских оркестров, в